

Александр Житинский

Путевка в Киж

7. Рассказы

Александр Житинский

Путевка в Киж

«Геликон Плюс»

1974

Житинский А. Н.

Путевка в Кижы / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс»,
1974 — (7. Рассказы)

© Житинский А. Н., 1974

© Геликон Плюс, 1974

Путевка в Кизи

Потом, много лет спустя, Валентин вдруг вспомнит эту историю, лежа на пляже в Ялте. Он вспомнит ее в тот момент, когда Маша поднимется с деревянного топчана и пойдет к морю своей походкой балерины, чуть выворачивая носки наружу. Валентин заметит взгляды мужчин ей вслед и еще раз с привычным удовольствием подумает о том, что жена по-прежнему похожа на девочку – такая же легкая и стройная, несмотря на то, что ей уже тридцать шесть лет. Он подумает, что, наверное, так и должно было случиться, глядя, как Маша обходит полных бесформенных женщин, возле которых копошатся в песке многочисленные дети; что теперь у них с женой есть почти все для полноценной и счастливой жизни, а та история прочно забылась, превратившись в нечто, похожее на заброшенный и заколоченный старый дом, куда не нужно возвращаться, потому что все равно ничего не вернуть – ни одной минуты, прожитой там до того дня, когда дом внезапно опустел, был навсегда покинут и остался стоять лишь по недоразумению, хотя его давно следовало снести. К сожалению, снести его никак не удастся, он существует где-то, и они с Машей тщательно обходят его стороной, уже пятнадцать лет стараясь не замечать – вот как сейчас жена не заметит голого малыша, с ног до головы оклеенного песком. Этот малыш возникнет на ее пути, смешно покачиваясь на кривых толстых ножках, словно перетянутых невидимыми ниточками, а Маша спокойно свернет в сторону и равнодушно пройдет мимо. Она даже не улыбнется малышу – и Валентин поймет, почему она не сможет ему улыбнуться – а пойдет дальше к воде, твердо вздрагивая при каждом шаге всем своим загорелым до черноты телом, точно ветка дерева, лишенная листьев, – пока не погрузится в воду и не поплывет к красным буйкам запретной для купальщиков зоны. Она не оглянется на него ни разу, и тут, именно в эти секунды, Валентин опять вспомнит все, начиная с проклятых подушек в рюкзаке, о которых ему до сих пор стыдно и неловко думать. Он вспомнит те три дня и еще раз скажет себе, что тогда он поступил правильно и умно, и никакой его вины в случившемся нет. Но почему-то именно подушки в рюкзаке будут напоминать о себе с особой издевательской насмешкой, словно дразня своей бессмысленностью, – две семейные пуховые подушки, засунутые в туристский рюкзак для того, чтобы тот выглядел заполненным и не был в то же время слишком тяжел.

Валентин готовил рюкзак в комнатке, где они с Машей жили вот уже полгода с той поры, как поженились. Комнатка не принадлежала им, а была меньшей из двух комнат квартиры Машиных родителей. Почти половину ее занимал старинный шифоньер с выгнутыми дверцами. На шифоньере помещались книги, сложенные в стопки, а внутри него находилось все имущество молодой пары.

Валентин выдвинул из-под тахты ящик, где хранилась постель, и мигом сорвал с подушек наволочки. Подушки, как и одеяло, были небогатым Машиным приданым. Собственно, все в этой комнате было ее приданым, потому что Валентин переехал к Маше из аспирантского общежития, имея при себе лишь небольшой чемоданчик с одеждой да несколько связок книг.

Торопясь, он засунул в открытый рюкзак первую подушку, облепленную крохотными волосками перьев, умял ее и положил сверху вторую. Рюкзак наполнился и приобрел выпуклую форму. Валентин стянул шнурки и пристегнул клапан. Лишь теперь он облегченно вздохнул, радуясь, что теща не застала его за этим занятием, которое трудно было бы ей объяснить. Теща с самого утра не давала ему покоя, расспрашивая его о предстоящей поездке. Валентину приходилось изворачиваться, что-то придумывать на ходу, а это портило настроение, и без того неважное. Слава богу, что теща не попросила показать путевки, а впрочем, и на это у него имелся вполне правдоподобный ответ. Он намеревался объяснить, что путевки будут выданы руководителем туристской группы непосредственно перед посадкой на теплоход.

Валентин имел основания гордиться своей предусмотрительностью. Не считая того, что идея этого плана принадлежала ему, а Маша лишь удивлялась его находчивости, готовая было уже выложить все матери, – а там начнутся ахи да вздохи – надо ли? это опасно! и тому подобное – итак, не считая идеи, ему же принадлежала тщательная подготовка и разработка мелочей. И здесь он был на высоте, приготовив родителей Маши к мысли, что молодым необходимо дня три отдохнуть и, может быть, съездить куда-нибудь, если будет такая возможность. Неожиданно нашлась и возможность в виде двух путевок на теплоходе в Кизи, о которых он сообщил, придя из института и удивительно правдиво изобразив восторг. Он боялся за машу, которой в теперешнем ее состоянии было нелегко сыграть искреннюю радость, но и она не подвела его, так что теще и тестю осталось лишь порадоваться такому удачному стечению обстоятельств.

– Валя, не забудьте фотоаппарат, – напомнила из кухни теща.

– Он сломался. Я его в ремонт сдал! – крикнул Валентин, еще раз убеждаясь, что предусмотрено абсолютно все. Фотоаппарат был еще вчера упрятан им на шифоньере за книгами.

– Жаль, – сказала теща. – Сделали бы снимки, это была бы хорошая память...

«Все так пекутся о хорошей памяти! – внезапно раздражаясь, подумал он. – В памяти должно быть опрятно, как на кухне у тещи. В сущности, мы только и делаем, что заботимся о хорошей памяти... Увлекательная прогулка в Кизи! Ее можно было бы вспомнить с удовольствием, выйдя на пенсию. Поставить галочку в воспоминаниях: здесь я был, это я видел. Жизнь прошла не зря...»

Нет, тут будет другая память. Валентин уже знал это и лишь надеялся, что она будет недолговечна и вскоре прикроется другими, более приятными воспоминаниями. А сейчас лучше всего не думать на эту тему, потому как сомнения остались позади, да, честно говоря, их у него и не было. План успешно претворялся в жизнь и, может быть, если все сойдет благополучно, разумность предпринятого шага заглушит робкие реплики совести. Организованность, присущая Валентину, делала задуманную операцию законной и даже единственно правильной.

Он вспомнил, что нужно захватить с собою книгу. Это был нарядно изданный путеводитель по Кижскому заповеднику, приобретенный им специально для того, чтобы не дать маху в последующих разговорах с родственниками. Книга была хорошо иллюстрирована и содержала все сведения, необходимые туристу. За эмоциональную сторону своих впечатлений Валентин не беспокоился. Северная природа была ему достаточно известна и легко совмещалась с добытыми из путеводителя фактами.

Валентин засунул книгу в карман рюкзака и сел на тахту, дожидаясь Маши. Она пришла вскоре и тихо возникла в комнате, не улыбнувшись, как обычно, а лишь вопросительно взглянув на мужа, точно не ожидала его здесь увидеть, хотя все происходило по известному ей плану.

Валентин ободряюще подмигнул ей, указав на готовый к походу рюкзак, но ответной улыбки так и не последовало. Тогда он, чувствуя некоторое беспокойство, встал и шагнул к ней. Он обнял жену за плечи, провел губами по щеке, и Маша, покорно повернувшись к нему, опустила руки. Он понял, что она уже там, далеко от него, и теперь ждет, когда Валентин ее отпустит и даст возможность собраться. Чтобы помочь мужу обрести спокойствие, она все же поцеловала его, будто заранее прощая за то, что произойдет завтра утром.

– Ты уже готов? – спросила она. – Вот и хорошо... Я сейчас переоденусь.

Она говорила с ним, как с ребенком, и Валентин вдруг подумал, что Маша будет хорошей матерью, когда у них появятся дети, – спокойной, терпеливой и ласковой. Он поспешно отогнал эту мысль, поскольку сейчас она была совсем уж некстати; сейчас ему желательно было быть рассудительным и даже несколько циничным, чтобы не вносить в это дело излишнего волнения и не дать себе повода к отступлению. Уже все решено...

Маша переоделась, будто его и не было в комнате. Обычно она просила его отвернуться, но сейчас без спешки и суеты, какими-то механическими движениями она сняла платье, не глядя на Валентина, и осталась в шелковой застиранной сорочке, под которой темнел черный

дешевый лифчик. У Валентина сердце сжалось от внезапной жалости к ней, к ее серенькой, точно застиранной, жизни, от которой она получала так мало, а требовала и того меньше – и не из безразличия к красивым вещам, а из-за того, что любила и жалела его, не смея даже в мыслях попрекнуть скромной стипендией или невниманием к ней. Они часто мечтали вместе, как будет им хорошо, когда впоследствии их жизнь устроится и станет богаче, когда смогут они жить в своей, пусть маленькой, квартире и родят тогда ребенка, а может, и двух; как у нее будет наконец золотое обручальное колечко, которого он не смог ей подарить в день свадьбы, а довольствовался позолоченным серебряным, уже истершимся и потускневшим. И ради этой будущей счастливой и легкой жизни сегодня нужно было терпеть и не давать воли чувствам, а совершить задуманное с холодной головой, ибо так было правильно. Валентин не стал даже вновь мысленно убеждать себя, поскольку в пользу такого решения говорили доводы, которые можно было оценить, так сказать, материально: деньги, жилплощадь, его научная карьера, ее учение в институте и так далее. Вот когда он закончит аспирантуру и защитит диссертацию, тогда можно будет и поговорить на эту тему; тогда, несомненно, все решится по-другому. Теперь же не было ни единого довода против, кроме некоторого страха и непонятного, странного для Валентина чувства презрения к самому себе. Впрочем, страх и презрение были легкими и не выдерживали конкуренции с вышеперечисленными доводами.

А Маша тем временем оделась, как полагалось для туристической поездки, в клетчатую рубашку и брюки, надела сверху куртку с капюшоном и только потом, вздохнув, взглянула на Валентина равнодушно, как на чужого.

– Пойдем? – спросила она.

И он опять подошел к ней, заглядывая в глаза и стараясь улыбнуться, чтобы вернуть к себе, чтобы чувствовать себя с нею вместе, но напрасно. Они были уже каждый порознь, отдельно, и получалось так, что он более, чем Маша, нуждался в поддержке. Валентину досадно даже стало, что жена может обойтись сейчас без него, и жаль стало себя – такого сочувствующего, такого беспокоящегося о ней и любящего ее. Маша смотрела на мужа с едва уловимой усмешкой, отчего казалась значительно взрослее Валентина, а этого совсем уж невозможно было вынести.

– Пошли, – сказал он жестко, стараясь побороть внезапную к ней неприязнь.

Тогда она на какое-то мгновение, которое Валентин запомнил навсегда, ибо оно действительно было последним, вернулась к нему, положила голову на плечо и провела ладонями по груди. Она прощалась с ним, но он этого тогда не понял. Он подумал, что Маша колеблется, а поскольку и сам не был до конца уверен, поспешно отстранил ее и сказал:

– Да не бойся ты! Все будет нормально, вот увидишь.

Он взвалил рюкзак на спину, затянул лямки и убедился, что рюкзак совсем легкий, чего он и добивался. Они с Машей вышли в прихожую, где уже стояла наготове теща с полиэтиленовым мешочком, в котором сквозь пленку, покрытую мельчайшими капельками влаги изнутри, румянились пирожки, приготовленные ею им в дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.